

ВОЙНУ ТРУДНО НАЧАТЬ. НО ЕЩЕ ТРУДНЕЕ ЗАКОНЧИТЬ. ЧАСТЬ II: УХОД ИЗ АФГАНИСТАНА

Документальная повесть очевидца и участника событий

Владимир Снегирев

Уйти нельзя остаться

Войну трудно начать, но еще труднее ее закончить.

Маршал Устинов, который хотел слегка поиграть мускулами и потренировать в боевых условиях свое изрядно запылившееся войско, уже вскоре убедился в том, что афганская кампания — это надолго. Там случилась обычная для таких ситуаций история: чем активнее воевали советские, тем ожесточеннее сопротивлялись афганцы. Война порождала войну, и этот процесс казался нескончаемым. К сожалению, архивы не сохранили документальных свидетельств того, как менялось отношение министра обороны к вторжению. Сталинский нарком был закрытым человеком, свои сокровенные мысли он держал при себе.

Зато есть любопытная запись, сделанная в дневнике А.С. Черняевым, тогда заместителем заведующего международным отделом ЦК, а впоследствии помощником генсека Горбачева, эта запись датирована 12 августа 1984 года. На заседании Политбюро обсуждались итоги переговоров министра обороны Устинова и главы КГБ Чебрикова с афганским лидером Бабраком Кармалем. Дмитрий Федорович, судя по этой записи, очень иронично оценил афганского руководителя, «но, мол, другого у нас там нет, ничего не поделаешь». Картина, из слов Устинова, складывалась печальная: 80% территории в руках исламских партизан (у Черняева — «бандитов»).

Министр обороны, как считает автор записи, «не способен глядеть в корень. Ему не приходит в голову как-то повернуть в корне всю нашу «афганскую эпопею».

Зато глава лубянского ведомства Андропов, став в ноябре 1982 года генсеком, в своем близком окружении позволял себе рассуждать о необходимости скорейшего возвращения войск в родные казармы. Я хорошо помню, как тогдашний посол в Кабуле Ф.А. Табеев говорил мне, кажется, в самом начале 1984 года: «Ну теперь-то все изменится. Юрий Владимирович полон решимости исправить эту историческую глупость». Не успел, умер в том же году...

Сменивший его К.У. Черненко взошел на престол настолько дряхлым, что и речи не было о том, чтобы он взвалил на свои плечи решение столь масштабной проблемы.

Разгрести авгиевы конюшни пришлось Горбачеву, и надо признать, что с первых же дней нахождения на властном олимпе Михаил Сергеевич занял по этому вопросу совершенно определенную позицию. Хотя впервые о

необходимости выводить войска он, по некоторым свидетельствам, заявлял еще будучи рядовым членом Политбюро, в частности, в частных беседах с А.Н. Яковлевым, находясь в поездке по Канаде в 1983 году. Яковлев был тогда нашим послом в Оттаве, а Михаил Сергеевич в ПБ отвечал за сельское хозяйство.

Уже 14 марта 1985 года, то есть спустя три дня после избрания генеральным секретарем ЦК КПСС, он в беседе с приехавшим в Москву Бабраком Кармалем заявил тому: «Вы понимаете, что советские войска не могут оставаться в Афганистане вечно».

Разумеется, этой фразе — ключевой в диалоге с афганским лидером — предшествовали ритуальные заветы о «необратимости революционного процесса в Афганистане», об умении защищать революционные завоевания. Но возвращался Кармаль в Кабул уже озадаченным — он сам мне об этом говорил во время наших посиделок на даче в Серебряном Бору (об этом ниже).

В своем рабочем блокноте, перечисляя первоочередные дела, Горбачев уже тогда, весной 85-го, пометил: «уход из Афганистана».

Разумеется, все разговоры о выводе из ДРА «ограниченного контингента», особенно те, которые происходили в стенах ЦК и Кремля, непременно сопровождались оговорками: мы не можем бросить просто так афганских революционеров, надо сделать все возможное для укрепления кабульской власти, а переговоры о выводе войск увязать с обещаниями Запада прекратить поддержку вооруженной оппозиции. Это вполне соответствовало и принципам существовавшей тогда идеологии, и по-человечески тоже было вполне объяснимо.

Причем — и это тоже важно подчеркнуть — разговорами дело не ограничивалось. Возвращению войск предшествовала колоссальная по объему работа, растянувшаяся почти на четыре года.

Первое предупреждение

С чего же начал Горбачев? Процесс шел сразу по нескольким направлениям. Следовало обеспечить надежную поддержку внутри страны, и в первую очередь — в высшем советском руководстве. Что касается общественного мнения, то здесь генеральному секретарю беспокоиться было не о чем. Война с самого начала не пользовалась поддержкой у населения. Недаром ее называли «спрятанной» — цензура жестко пресекала все, даже самые робкие, попытки поведать о том, что происходит в Афганистане. Вплоть до середины 80-х гг. нашим гражданам вешали лапшу на уши, рассказывая о том, как советские воины сажают деревья в парках Кабула и раздают муку крестьянам Джелалабада. В редких очерках о новых Героях Советского Союза говорилось, что эти brave ребята отличились... на учениях.

Но шила в мешке не утаишь. Кто-то возвращался на родину после службы искалеченным, а кто-то и вовсе в цинковых гробах. Выполнение «интернационального долга» дорого обходилось и государству, и обществу. В разные инстанции — редакции центральных газет, в ЦК, Верховный Совет и лично генсеку — нарастал поток писем от родителей солдат. Основной мотив: зачем это нужно и когда это кончится?

Занявшись афганскими делами, Горбачев поручил председателю Совета Министров подготовить справку «о наших материальных расходах в Афганистане, в том числе об уровне среднесуточных затрат». Прочитав предоставленный ему документ, Михаил Сергеевич впал в ступор: война пожирала немыслимые ресурсы. В долларовом исчислении — миллиард в год, а ведь доллар весил тогда куда тяжелее, чем сегодня. Впрочем, были и иные подсчеты; так, например, японцы считали, что мы тратим на войну более трех миллиардов.

Предварительно опросив коллег по ПБ, генсек понял, что тут ему обеспечена поддержка. Даже Громыко — тот самый министр иностранных дел, который наряду с Устиновым и Андроповым шесть лет назад продавил силовое решение, — теперь соглашался с тем, что войну надо заканчивать.

Сменивший Устинова маршал Соколов и занявший пост главы КГБ генерал армии Чебриков тоже были за вывод войск. Кстати, новый министр обороны до этого провел много месяцев «за речкой», возглавляя оперативную группу МО, и потому лучше других знал истинное положение дел.

Второе направление было завязано на внутренние дела Афганистана.

Понятно, что уйти оттуда можно было лишь при условии хоть каких-то гарантий сохранения кабульского режима и договоренностей с этим режимом. Здесь ситуация не выглядела столь безоблачной. А потому по инициативе генерального секретаря в Москву 10 октября был тайно вызван его афганский визави Бабрак Кармаль, которому на сей раз прямо дали понять: готовьтесь к тому, чтобы самостоятельно защищать свою власть.

Якобы афганец в ответ на это сказал: «Если вы сейчас уйдете, то в следующий раз вам придется вводить миллион солдат». Это явно не понравилось Горбачеву, и, видимо, уже тогда он стал консультироваться со своим окружением относительно замены Кармаля на другого руководителя, больше соответствующего новым веяниям.

Через несколько дней на очередном заседании ПБ Михаил Сергеевич подробно рассказал о своих беседах с афганским гостем. Вот как это описывает в дневнике Анатолий Черняев. Кармаль, по словам Горбачева, был ошарашен, никак не ожидал такого поворота, был уверен, что мы в Афганистане будем надолго, если не навсегда. «Поэтому пришлось выражаться предельно ясно: к лету 1986 г. вы должны будете научиться сами защищать свою революцию». Там же Горбачев зачитал несколько писем от советских граждан, которые спрашивают: отчего мы за

афганцев выполняем некий «интернациональный долг» и стоит ли этот долг жизнью наших парней? «Помимо писем, где плач, горе матерей по убитым и искалеченным, душераздирающие описания похорон, письма-обвинения: Политбюро, мол, допустило ошибку, и надо ее исправлять — чем скорее, тем лучше...»

А закончил свою речь на ПБ генсек так:

«С Кармалем или без Кармаля, мы будем твердо проводить линию, которая должна в предельно короткий срок привести нас к уходу из Афганистана».

Зачистка в Кабуле

Уяснив, что с нынешним афганским руководителем каши не сварить, Горбачев буквально сразу приступил к смене главных действующих лиц на кабульской сцене. Посоветовавшись с «ближними», решил поставить во главе Афганистана доктора Наджибуллу — тогда секретаря ЦК НДПА, а прежде — начальника афганской госбезопасности. И уже 29 мая доложил членам Политбюро: «Мы заменили Кармаля Наджибом». Вот так буквально и сказал: «мы заменили». Что вполне соответствовало правде.

Мне повезло затем близко общаться со смещенным афганским вождем, так вышло, что дача КГБ в Серебряном Бору, где его разместили «на заслуженный отдых», находилась по соседству с моей скромной служебной дачей от «Правды», где я тогда работал, сам бог велел по вечерам навещать опального политика и вести с ним долгие разговоры. Правда, никаких диктофонов и блокнотов Кармаль не разрешал, а потому, вернувшись к себе, я по памяти стенографировал эти беседы. В частности, вот какая картина с его слов складывалась по поводу истории со смещением. Картину дополняют также воспоминания генерала Шебаршина (ПГУ) и мои собственные наблюдения, сделанные в разные годы в Кабуле.

Будучи главным афганским руководителем, товарищ Кармаль редко покидал пределы мрачного дворца Арг в центре Кабула. Снаружи дворцовые стены охранялись афганской гвардией, внутренняя территория контролировалась советскими десантниками, а в самих зданиях за безопасность отвечали офицеры 9-го управления КГБ.

Конечно, он не был настоящим руководителем Афганистана, всем там руководили советские советники. Кармаль был окружен особенно плотным кольцом: советник по партии, советник по ревсовету, советник по совмину, а еще специальный, находившийся при нем круглосуточно «дядька» от КГБ, а еще «прикрепленные» от 9-го управления... Одни приезжали, другие уезжали. И все они — особенно во время застолий — клялись ему в вечной любви и дружбе. Но он уже хорошо знал цену этим словам.

Кармаль доверял только одному человеку из своего ближнего круга — этим человеком был тот самый «дядька» из органов, резидент КГБ в Кабуле Вилиор Осадчий. С самого начала полковник был рядом, к нему привыкла

семья, без него и шагу не мог ступить генсек. Осадчий не был солдафоном, знал местные языки, чтит местные традиции, интересовался историей и культурой Афганистана. Но в начале 86-го случилось странное и страшное: резидент, который никогда и ни на что не жаловался, умер на пороге своей квартиры. Остановилось сердце.

Кармаль не верил официальному заключению о смерти. Что-то было не так... Потеряв единственно близкого из своего круга человека, он впервые в жизни испытал страх. Настоящий страх.

Очень скоро стало ясно, что боялся он не зря. На март была назначена большая джирга племен. Кармаль готовился выступить на ней с программной речью. Но накануне советский посол Табеев сказал:

— Вас приглашают в Москву. Наше руководство хотело бы обсудить с вами ряд важных вопросов.

— Могу я отправиться в СССР после джирги?

— Вы все успеете. Два дня у нас погостите и сразу обратно.

На аэродроме в советской столице ему и рта не дали открыть: «Вы плохо выглядите, дорогой товарищ Кармаль. Мы не можем рисковать вашим здоровьем. Надо немедленно обследоваться». И в больницу — на двадцать дней. Какая там джирга... На джирге с большой речью выступил глава афганской госбезопасности (теперь она назвалась — ХАД) Наджиб. В кремлевской больнице на Мичуринском один из врачей, которого, видно, забыли проинструктировать, выразил восхищение отменным здоровьем афганского гостя и удивился, зачем его здесь держат. С того дня Кармаль выбрасывал в унитаз все лекарства, которые ему рекомендовали принимать. Нет, что-то явно было не так.

Все разъяснилось, когда наконец его принял генеральный секретарь ЦК КПСС. Горбачев с радушной улыбкой на лице прочел ему целую лекцию о том, что мир становится другим, что большие изменения грядут и в Советском Союзе, и в Афганистане, что «не каждый из нас способен адекватно соответствовать этим изменениям». Конечно, заслуги товарища Кармаля велики, а его вклад в дело революции и укрепление афгано-советской дружбы просто выдающийся, но, возможно, было бы целесообразно подумать о том, чтобы уступить пост генсека кому-то из более молодых товарищей. Товарищу Кармалю очень тяжело, и пора ему подумать о своем здоровье, он еще будет нужен всем нам для грядущих свершений. При встречах с Горбачевым он не курил, сдерживался, курить в этом кабинете было не принято. Но когда Михаил Сергеевич закончил свой монолог, афганец, враз потемнев лицом, назвал действия советской стороны «государственным терроризмом», разволновался, попросил переводчика принести ему пепельницу.

На следующее утро Кармалю навестил начальник Первого главного управления КГБ Крючков: «Не волнуйтесь, дорогой товарищ, все будет хорошо». Но хорошо быть уже не могло. Это заговор, понял Кармалю. Решив выиграть время, он попросил разрешить ему вернуться в Кабул, «чтобы посоветоваться с соратниками и уже после этого принять окончательное решение». Москва, подумав, разрешила, но вслед за его самолетом в Кабул вылетел другой, «комитетский», на борту которого были Крючков и его будущий преемник на посту начальника разведки Леонид Шебаршин. Самолеты приземлились в афганской столице с интервалом менее чем в сутки.

Утром 2 мая московские гости прибыли во дворец.

Крючков почти сутки (!) убеждал афганского руководителя добровольно покинуть пост генерального секретаря. В ход было пущено все — лесть («вы наш самый большой и настоящий друг, истинный интернационалист, патриот, который всегда общие интересы ставит выше личных»), скрытые угрозы («в афганском руководстве нет единства и лучше не доводить дело до греха, а добровольно сложить с себя полномочия»), посулы сытой жизни («за вами останется пост председателя революционного совета, вы всегда будете окружены почетом и уважением»).

Кармалю все уже прекрасно понял. Он — жертва перемен в глобальной советской политике. Крючков и его люди тайно подготовили ему замену — видимо, это секретарь ЦК, недавний шеф афганской госбезопасности Наджиб. Но он, Кармалю, не намерен уступить просто так, без сопротивления. Настала пора высказать советским всю правду, все, что накопилось в душе за эти годы.

Он говорил о том, что не хочет быть марионеткой Москвы, что с его уходом тысячи людей будут брошены в тюрьмы, что ему непонятно, на каком основании Советский Союз так бесцеремонно вмешивается во внутренние дела суверенного государства. Все тщетно. Крючков твердо стоял на своем:

— Инициатива отставки исходит из Кабула, а Москва лишь помогает афганским товарищам. Кармалю не должен осложнять и без того непростое положение. Он обязан сохранить себя ради афганской революции.

— Оставьте в покое афганскую революцию! — негодует хозяин. — Вы говорите, что в Афганистане гибнут советские солдаты и это дает вам право ставить мне условия. Уходите, уводите свои войска! Мы сами будем защищать свою революцию.

Эти изнурительные беседы днем позже завершаются тем, что хозяин дворца в присутствии советских генералов пишет заявление об уходе для предстоящего пленума ЦК НДПА. 14 мая пленум принимает его отставку. Генеральным секретарем становится Наджиб. В Кабуле все спокойно, ни партия, ни народ, ни вооруженные силы не проявляют никакого недовольства.

Кармалю с семьей поселяют в просторном доме неподалеку от дворца. Впоследствии этот дом займет миссия ООН, и именно здесь после взятия Кабула моджахедами будет укрываться Наджибулла. Именно здесь его схватят талибы, чтобы после жестоких пыток вздернуть на одной из площадей.

Ровно через год, в мае 87-го, наверху принимают решение пригласить товарища Кармалю в Москву «на лечение». Он понимает, какое лечение его ждет, но возражать нельзя, будет хуже. Крючков лично прилетает за ним на специально выделенном самолете.

В Москве ему выделяют квартиру в престижном доме на Миусах, но жить рекомендуют на казенной лубянской даче в Серебряном Бору. Следующие четыре года он проводит фактически под домашним арестом.

Ставка на новенького

Следующей жертвой становится совпосол Ф.А. Табеев. Его отзыву предшествует ремарка Горбачева на заседании Политбюро: «Табеев, конечно, человек серьезный, крупный, но пора менять вместе с изменением политики».

Насчет кремлевской политики уже все устаканилось: открытость, гласность, новое мышление, отказ от прежних догм, широкий диалог с Западом. Ясно, что война в Афганистане никак не укладывалась в эти скрижали.

И политику внутри Афганистана тоже ждали крупные перемены, теперь ее базовой установкой стало национальное примирение. Предполагалось осуществить целый комплекс мер: прекращение огня, переговоры с отрядами вооруженной оппозиции на основе компромиссов, работа с представителями духовенства, широкая государственная поддержка торговцев и бизнесменов, новые привилегии для племен, амнистия для лиц, давших слово не совершать впредь враждебных действий против режима... Со временем перечень подобных мер и уступок значительно расширился.

Но кадровые перемены в Кабуле не приносят быстрого результата, и это сильно огорчает советских руководителей. 13 ноября на очередном заседании ПБ опять вспыхивает долгая дискуссия по Афганистану. Громыко говорит, что ситуация сейчас еще хуже, чем была полгода назад. Чебриков считает, что военными средствами нужного решения не добиться. Начальник генерального штаба Ахромеев делает трагическое признание: «Мы проиграли борьбу. Афганский народ сейчас в своем большинстве — за контрреволюционеров».

Это сам по себе поразительный разговор за плотно закрытыми дверями: фактически все высшие лица СССР соглашались с тем, что война проиграна и надо срочно выпутываться из этой западни. Несколько раз слово берет Горбачев, он тоже не выражает особого оптимизма относительно будущего. Соглашается с тем, что влезли в Афганистан, не просчитав всех последствий,

«подставили себя по всем линиям». Говорит о том, что Политбюро ЦК НДПА не поддержало своего нового генсека Наджибуллу с идеей национального примирения, а наши действия на всех направлениях — политическом, дипломатическом, экономическом — «не дали никакого продвижения». Вспоминает отозванного недавно посла Табеева: его сменили, чтобы дать сигнал афганцам действовать самостоятельно, без оглядки на совпосольство, а на деле все осталось, как было. «Опять все делаем сами... Вязнут Наджиба по рукам и ногам».

Михаил Сергеевич уже неплохо ориентируется в реалиях, связанных с Востоком. Его позиция остается прежней: «в течение двух лет убраться оттуда».

— Мы же не социализма там хотим, — вслух рассуждает Горбачев. — И США не полезут прямо туда военной силой, если мы уйдем.

— Ведь не полезут же? — обращается генсек к маршалу Ахромееву.

— Нет, — соглашается тот. — Американцы своими войсками в Афганистан не пойдут.

Эту деталь важно отметить для нашего повествования. «Фактор США» советская пропаганда активно использовала с самого начала, с первых дней военного вторжения. Солдатам и офицерам вдальблизалась мысль: если бы в Афганистан не вошли мы, туда бы немедля вошли американцы со своими ракетами. Чушь, конечно. Нет абсолютно никаких фактов, свидетельствовавших о подобных намерениях Вашингтона. Никаких! Но миф работал, в него верили не только рядовые бойцы, но даже крупные генералы. Наверное, с такой верой им было легче переносить все тяготы исполнения «интернационального долга».

В декабре 1986 года в Москву с официальным визитом прибывает новый лидер партии доктор Наджибулла, ему оказывают все принятые в таких случаях почести, хотя формально главой афганского государства все еще остается Кармаль — он, как и было обещано, занимает пост председателя революционного совета. Это явно не нравится доктору, в ходе переговоров с Горбачевым и руководителями КГБ (Афганистан остается их вотчиной) Наджибулла просит решить этот вопрос, и спустя пять месяцев Кармаля фактически силой вывозят в СССР «на лечение».

Наджибулла (тогда его называли — Наджиб) выглядит в глазах кремлевских небожителей явно более привлекательным по сравнению с предшественником, он не перечит Горбачеву, старательно записывает получаемые в Москве наставления, а если говорит, то по делу. И родом он из влиятельного пуштунского племени, и стоят за ним внушительные силы — тысячи сотрудников госбезопасности, агентура, обученные боевики. Нет, ни минуты не сомневались наши вожди в том, что они сделали верный выбор, поставив на Наджиба.

«Голова от этого ломится»

Если внутри СССР процесс подготовки вывода войск не встречал особых затруднений, то на двух других направлениях проблем было более чем достаточно.

Лидеры вооруженной оппозиции и их зарубежные спонсоры восприняли мирные инициативы Кабула как признак слабости и в ответ лишь усилили давление на режим Наджибуллы. В 1987 году число обстрелов объектов советских войск увеличилось в три раза по сравнению с годом предыдущим. Возросло количество террористических актов в городах и уездных центрах. Никто из видных полевых командиров не пошел на переговоры с властью. 40-я армия, или, как ее называли, «ограниченный контингент советских войск», продолжала проводить крупные войсковые операции, стремясь разгромить основные базы моджахедов, перекрыть каналы поступления к ним оружия и боеприпасов из Пакистана. Самой успешной была операция «Магистраль» на юге Афганистана, непосредственно у пакистанской границы, наши читатели знают о ней по фильму «9-я рота». Управлял войсками новый командарм генерал Борис Громов, получивший тогда звание Героя Советского Союза. Героем стал и командир 345-го полка ВДВ Валерий Востротин — тот самый, кто еще в конце 1979 года командовал ротой при штурме дворца Амина.

По большому счету, советские войска продолжали делать то, что делали все предшествующие годы — воевали с противниками режима, а афганской армии, получавшей из Союза все необходимое, отводилась роль пассивного наблюдателя. Да она и не способна была выполнять сколь-нибудь серьезные задачи. С объявлением политики национального примирения в рядах ВС ДРА резко выросло число дезертиров, а некоторые командиры восприняли новые веяния как сигнал к тому, что надо втайне договариваться с главарями моджахедов, загодя выторговывая себе индульгенции на будущее.

На ситуации также сказывалась продолжавшаяся фракционная борьба внутри НДПА, растерянность в рядах партийцев, недовольство сторонников «парчама» отстранением от власти их лидера Кармаля.

Надо признать, и сам Наджибулла, и наши советники много сил и энергии тратили на то, чтобы национальное примирение состоялось, работали и с лидерами духовенства, и с вождями племен, приглашали вернуться на родину из Италии бывшего афганского короля Захир-Шаха, которого «сватали» на роль «отца нации», проводили «лойя-джирги», то есть съезды самых авторитетных старейшин. Но эффект от всего этого оставлял желать лучшего.

В то же время пособники вооруженной оппозиции значительно наращивали объемы помощи партизанам, именно тогда «духи» получили возможность использовать против советских войск современные средства ПВО (ракеты «Стингер», «Блоупайп»), безоткатные орудия, пластиковые мины и пр.

И на дипломатическом фронте все было непросто. Все усилия наших представителей по заключению пакета соглашений, призванных положить конец кровопролитию, встречали ожесточенное сопротивление со стороны администрации Рональда Рейгана, для которого СССР все еще оставался «империей зла». Хотя и тут усилия прилагались титанические.

За год до запланированного вывода войск в Кабул был направлен послом первый заместитель министра иностранных дел Ю.М. Воронцов — это был нестандартный ход. Юлий Михайлович имел высокий авторитет в высших политических кругах, его хорошо знали и в Штатах, и в Европе, теперь он активно включился в «челночную дипломатию», непрерывно перемещаясь по маршруту: Кабул–Исламабад–Женева–Вашингтон–Москва. Став полпредом, он не оставил кресло первого замминистра, и это тоже работало на успех общего дела.

О том, какое настроение по поводу перспектив кабульского режима царило в Кремле и на Старой площади, можно судить по такому факту. Горбачев, решив перепроверить поступающую из Афганистана информацию, направил туда своего личного представителя, доверенное лицо. Тот, добросовестно изучив картину, побеседовав с десятками лиц, представлявших разные слои общества ДРА, вернулся в Москву и доложил генсеку: «Режим рухнет сразу, едва последний советский солдат пересечет советско-афганскую границу». Все это находило живое отражение в дискуссиях, которые разворачивались на заседаниях Политбюро. Читая стенограммы этих заседаний, невольно ловишь себя на мысли: никакой писатель не придумает столь затейливой драматургии.

Главная установка все эти годы соблюдалась неукоснительно: выводу войск альтернативы нет, мы уходим. Но уходим, приложив максимум усилий к тому, чтобы Афганистан оставался дружественным нам государством с коалиционным правительством, которое бы защищало интересы всех народностей, населяющих страну.

21 и 22 января 1987 года члены ПБ обсуждают итоги визита в Афганистан министра иностранных дел Шеварднадзе и секретаря ЦК Добрынина.

Министр выражается предельно откровенно. Признает, что «от дружеских чувств к советскому народу, которые существовали десятки лет, мало что осталось». Что, по сути, все эти годы мы воевали против крестьян. Что наша советническая помощь неэффективна. И приходит к такому заключению:

— Все, что мы делали и делаем в Афганистане, несовместимо с моральным обликом нашей страны.

Но тут неожиданно подает реплику Горбачев:

— Индийцы считают, что выводить полностью наши войска не надо или, во всяком случае, «спешить, не торопясь».

Его фактически поддерживает Громыко:

— Мы должны все сделать, чтобы уйти. Но что будет с революцией и с Наджибом? Я не верю, что вопрос об Афганистане решается в Исламабаде. Он решается в Вашингтоне. Надо завязать разговор, закрытый, с американцами...

Председатель правительства Рыжков думает так же:

— Просто уйти, бросить все на произвол судьбы мы не можем. Это отшатнет от нас многие страны.

Маршал Соколов (министр обороны) предлагает принять жесткие меры к принуждению руководства Афганистана «активно доводить до населения программу национального примирения». Приводит цифры — во что нам обходится содержание афганской армии. В три с половиной миллиарда рублей!

Спустя месяц — опять разговор примерно в том же ключе.

Шеварднадзе:

— Самое главное — не допустить, чтобы режим Наджибуллы рухнул. Это самое главное!

Горбачев:

— Ситуация непростая. Войти вошли, а вот как выйти, голова от этого ломится.

Михаил Сергеевич поясняет, отчего «голова ломится». Если просто бежать оттуда, то по авторитету Советского Союза будет нанесен огромный удар, нас не поймут в Индии, не поймут в Африке, а «империализм перейдет в наступление». Опять вспоминают Америку, генсек предлагает договариваться с Вашингтоном, «вплоть до каких-то сделок».

14 апреля 1988 года в Женеве наконец-то подписан желанный пакет документов по внешним аспектам ситуации в Афганистане: двустороннее соглашение между ДРА и Пакистаном, декларация о международных гарантиях (ее подписали Шеварднадзе и госсекретарь США Дж. Шульц), там же предусматривался вывод войск в период с 15 мая 1988 года до 15 февраля 1989 года.

Уже в мае часть воинских формирований в присутствии иностранных журналистов отбыла домой, хотя если быть точным, то первые шесть полков вернулись в Союз двумя годами раньше — то был жест доброй воли, недвусмысленный сигнал миру: мы уходим.

Казалось бы, можно было вздохнуть с облегчением. Однако практически все те силы, которые на протяжении многих лет поддерживали моджахедов — деньгами, оружием, боеприпасами, — продолжали свои тайные операции. Ситуация внутри страны лучше не становилась. Опять обратимся к стенограммам заседаний Политбюро.

Любопытный диалог между кремлевскими небожителями зафиксирован 18 апреля. Тогда члены ПБ опять констатировали ухудшение ситуации, высказывали мрачные прогнозы. В тот день выступил и

А.Н. Яковлев, обычно избегавший участия в подобных дискуссиях. Александр Николаевич соглашается с тем, что подписание Женевских соглашений — это огромный позитив, но «он имеет также идеологический аспект».

— Возникает вопрос: за что воевали? — развивает свою мысль Яковлев. — Надо показывать, что военнослужащие исполняли свой интернациональный долг.

Ему возражает генеральный секретарь:

— Переживать в этом смысле тоже не надо. Ведь если все было правильно, зачем уходим?

Яковлев стоит на своем:

— Важно проявить заботу о тех, кто вернулся или вернется. Противодействовать тем, кто говорит, что потерпели поражение. Почему я обращаю внимание на этот эпизод? Увы, в те дни члены Политбюро заинтересованно обсуждали массу тем, связанных с Афганистаном, кроме одной, той, на которую обратил внимание Яковлев. Как быть с сотнями тысяч молодых людей, прошедших сквозь огонь войны? Удивительно, но лишь один Яковлев — тот самый, которого вскоре назовут «агентом влияния» — вспомнил об «интернациональном долге», а затем стал инициатором создания первой организации ветеранов во главе с Героем Советского Союза Русланом Аушевым.

18 сентября Горбачев сообщает соратникам, что получено письмо от Наджибуллы — судя по тексту, афганские товарищи «не верили в то, что мы выведем все войска, не остановимся на половине пути». Доктор Наджибулла теперь особенно опасался Ахмад Шаха Масуда, предлагал разные способы его устранения. Беда была в том, что на протяжении всей войны вся мощь 40-й армии, разведки КГБ и ГРУ, отрядов спецназа, агентуры как раз была направлена на то, чтобы любыми путями вывести из игры Масуда, однако из этого ничего не вышло. Ставший секретарем ЦК Чебриков, который лучше других это знал, поясняет:

— Начальник разведки афганской армии оказался его агентом, поэтому все удары по Ахмад Шаху шли мимо. Надо еще раз предпринять попытку установить контакт с ним, предъявить Ахмад Шаху жесткие условия. Язов (новый министр обороны):

— С Ахмад Шахом надо договариваться. Победить его трудно из-за поддержки населения.

Шеварднадзе:

— Целесообразно предоставление Ахмад Шаху должности вице-президента, признание его партии и вооруженных формирований.

Неожиданную реплику подает Крючков, ныне председатель КГБ:

— Недопустимы сепаратистские действия ГРУ без ведома руководства Министерства обороны и Генштаба.

Здесь надо пояснить, что к чему. Обе могущественные спецслужбы — КГБ и ГРУ — на протяжении всей афганской кампании ревниво относились к друг другу, часто по-разному оценивали возможности и потенциал главных афганских руководителей, водили свои хороводы вокруг полевых командиров. Если комитетчики по-прежнему вели дело к устранению (физической ликвидации) Масуда, то офицеры военной разведки, напротив, пытались установить с ним контакт, найти общий язык, склонить к сотрудничеству, например, на основе неприятия Масудом другого лидера оппозиции Хекматъяра, давней вражды между ними. Это, кстати, усвоил Шеварднадзе, пообщавшись в Кабуле с военными, недаром он предложил выделить Ахмад Шаху «пряник» в виде вице-президентства. Но главный сюжет эпической драмы под названием «Вывод войск», за которой тогда следил весь мир, был еще впереди.

Финал под грохот канонады

Вначале согласованный со всеми сторонами график возвращения войск на родину соблюдался неукоснительно. За этим, кстати, зорко следили международные наблюдатели. Но чем ближе был второй, то есть заключительный этап вывода, тем сильнее нарастала паника в кабульской верхушке. Из афганской столицы в Москву потоком шли телеграммы с просьбой приостановить процесс, оставить часть войск на более длительный период.

Второй этап должен был начаться в ноябре 1988 года, однако Наджибулла настоял на изменении графика, теперь начало выдвижения вспомогательных частей и учреждений назначили на 2 января, а боевых частей и подразделений — на 15 января. Иными словами, на все про все отводился всего месяц. По утверждению генерала Ляховского, входившего в оперативную группу МО, войска шли к нашей госгранице сплошным потоком по двум направлениям: Кабул–Термез, Шинданд–Кушка. В январе 89-го в Кабул опять прибыли Шеварднадзе и Крючков. Московские гости предложили главе Афганистана эвакуировать его семью в Москву. От греха подальше. Наджибулла наотрез отказался: «Это будет плохо воспринято моим окружением». Тогда в нашем посольстве соорудили для президента, его жены и детей специальный, хорошо защищенный бункер, где можно было укрыться от пуль и снарядов. Забегая вперед, скажу, что ни сам доктор, ни члены его семьи этим убежищем так и не воспользовались. Наджибулла и другие афганские руководители опять, уже в который раз, стали высказывать просьбы об оставлении хотя бы нескольких тысяч советских военнослужащих, возможно, из числа добровольцев. Поясняли: это необходимо для обеспечения безопасности кабульского международного аэропорта, разблокировки дороги на Кандагар и стратегической магистрали Кабул–Хайратон. Кроме того, они ставили вопрос о том, чтобы на советских

аэродромах вблизи границы на постоянном дежурстве находились боевые самолеты, с тем чтобы их можно было привлекать для нанесения ударов по мятежникам после ухода ОКСВ. По поводу самолетов Шеварднадзе обещать ничего не стал, а вот насчет 12 тысяч «добровольцев» обещал подумать.

Появившись в посольстве СССР, наш министр иностранных дел уже говорил об оставлении советских войск в Афганистане после

15 февраля как о деле решенном. Тот же генерал Ляховский цитирует его слова в своем обширном исследовании «Трагедия и доблесть Афгана»: «Надо подумать, как лучше реализовать этот замысел, обосновав его таким образом, чтобы общественное мнение было убеждено в том, что наши действия были единственно правильными». Эти же соображения днем позже Шеварднадзе оформил в виде секретной записки в ЦК.

Ознакомившись с ней, секретарь ЦК КПСС Яковлев пришел в сильное возбуждение и немедленно связался с помощником генсека по международным делам Анатолием Черняевым. Оба согласились с тем, что «Наджиб расставляет ловушку, чтобы мы не уходили, чтобы столкнуть нас с американцами и со всем миром».

Черняев тут же садится писать записку шефу: «Что мы делаем? И в смысле жертв, и в смысле безнадежности? Мы же все равно уходим, и Наджиб не стоит того, чтобы нарушать Женевские соглашения. Сдается мне, что Э.А. (Шеварднадзе. — В. С.) либо поддался эмоциям, либо лично повязался перед Наджибуллой и решил распорядиться еще десятками жизней наших ребят». Еще через какое-то время начинается селекторное совещание Горбачев—Шеварднадзе—Яковлев—Черняев. Разговор идет на повышенных тонах, причем Михаил Сергеевич в основном слушает и только изредка делает замечания, в основном поддерживая Яковлева и Черняева. Вот как об этом в дневнике Анатолия Сергеевича:

«Со стороны Шеварднадзе льется детский лепет, причем все больше валит на военных. Я его довольно грубо перебиваю: военные дали разработку техническую под политический план, с которым вы согласились. А план этот идет вразрез со всей нашей политикой, да и простым здравым смыслом, не говоря уже о жертвах, на которые вы обрекаете вновь наших ребят.

Э.А. (злится): Вы там не были, вы не знаете, сколько мы там натворили за десять лет?!

Я: Но зачем еще усугублять преступления? Какая логика? Наджибуллу все равно не спасем...

<...> М.С. начал нас разнимать...»

В том конфликте не все было так просто. Там схлестнулись разные силы: чекисты, гэрэушники, военные из МО и военные из Кабула, афганские руководители и афганские оппозиционеры.

Что касается последних, то, к примеру, Ахмад Шах Масуд, отряды которого могли контролировать значительный участок трассы Кабул—Хайратон—

Термез, включая высокогорный перевал Саланг, соглашался беспрепятственно пропускать уходящие домой колонны советских войск — связь с ним офицеры ГРУ поддерживали через свои агентурные источники. Зато Наджибулла требовал нанесения по позициям Масуда упреждающих ударов с привлечением стратегической авиации из СССР.

Военные в Москве, включая нового министра обороны Язова, оглядывались на Шеварднадзе и склонялись к тому, чтобы «слегка» нарушить Женевские соглашения. Военные в Кабуле — начальник оперативной группы МО Варенников и командарм Громов — были категорически против этого. Крючков вел свою игру, его люди и лично сам глава внешней разведки приступили к расследованию: кто из офицеров ГРУ имел несчастье контактировать с Масудом («сепаратные переговоры за спиной нашего союзника доктора Наджибуллы»).

Генералы Варенников и Громов настаивали на соблюдении утвержденного в Женеве графика эвакуации, делали все возможное, чтобы на финише войны избежать лишних жертв как среди наших воинов, так и среди афганцев. Советских руководителей терзали сомнения: уйдем, и дружественный нам режим сразу накроется, а это грозит большими издержками для политического курса. Отражением таких сомнений стала секретная записка в ПБ за подписью Шеварднадзе, Чебрикова, Яковлева, Язова, Мураховского, Крюčkова от 23 января 1989 года. В ней предлагались к рассмотрению пять вариантов действий, включая оставление в ДРА одной советской дивизии, привлечение сил ООН, вывод войск, но с последующей охраной проводки гуманитарных колонн и организацией постов на некоторых магистралях, полный вывод войск к 15 февраля.

На следующий день Политбюро принимает соломоново решение: согласиться с соображениями, изложенными в записке вышеуказанных товарищей. Правда, неясно, с какими именно соображениями оно соглашается. Но в последующих пунктах следуют указания: отправить в Кабул министра обороны Язова, чтобы тот на месте изучил обстановку и оказал помощь афганской армии. Также отправить в Кабул тт. Маслюкова, Гостева и Катушева (первый зам предсовмина, министр финансов, глава госкомитета по внешнеэкономическим связям). Охрану магистрали Кабул–Хайратон организовать на базе исключительно афганских сил, но при этом дать афганцам все, что они просят, — для этого наладить «воздушный мост» с привлечением на добровольной основе советских летчиков.

Следующий акт этой драмы был связан с Ахмад Шахом Масудом.

Я уже писал выше, что военная разведка и руководители совпосольства, включая первого замминистра иностранных дел Воронцова, прилагали массу усилий для того, чтоб наладить контакт с этим ключевым игроком афганской оппозиции, сделать его если не союзником, то хотя бы гарантом соблюдения перемирия в ходе вывода войск. Несколько раз они договаривались о встрече

с ним, но по какому-то странному стечению обстоятельств именно в последний момент по тем местам, где намечались встречи, армия ДРА наносила мощные ракетно-артиллерийские удары. Только впоследствии выяснилось, что делалось это по приказу афганского президента, ревниво относившегося к своему заклтому врагу.

Ставший недавно министром обороны Д.Т. Язов, прежде никогда не имевший отношения к афганским делам (он командовал Дальневосточным военным округом), беспрерывно тормозил командарма-40: «Отчего до сих пор не ликвидирован Масуд?» Когда Громов пытался объяснить «отчего», то в ответ министр грубо обрывал его: «Разбейте этого негодяя. Уничтожьте». К сожалению, прямым виновником случившегося далее надо признать и Э.А. Шеварднадзе, который поддался уговорам Наджибуллы и тоже настаивал на проведении массированных ударов по позициям Масуда.

Во второй половине января 1989 года, то есть примерно за месяц до окончательного вывода войск, «льву Панджшера» был направлен ультиматум: если тот будет препятствовать выставлению застав правительственных войск в районе Южного Саланга, то против него применят силу. Собственно говоря, реакция Масуда была безразлична, ибо решение о проведении крупной войсковой операции загодя приняли в Москве и согласовали с Кабулом. Она получила кодовое название «Тайфун» и должна была начаться 24 января.

«В район перевала Саланг были стянуты значительные силы советских войск, большое количество огневых средств, в том числе тяжелые огнеметы «Буратино», реактивные системы залпового огня «Ураган», «Град», — рассказывает о тех днях генерал А. Ляховский. — Однако в середине дня 22 января генералу армии В.И. Варенникову из Москвы позвонил министр обороны СССР Д.Т. Язов, приказав начать боевые действия против Масуда на сутки раньше».

Ляховский присутствовал при том разговоре и видел, каких трудов стоило Варенникову сдержаться, не нагрубить министру. Лишь положив трубку, Валентин Иванович дал волю своим эмоциям. Приказ пришлось выполнять. На кишлаки в районе Саланга, на окрестные горы и ущелья обрушился шквал огня, бомбы сбрасывали даже стратегические бомбардировщики, вылетающие с советских аэродромов. Конечно, наряду с моджахедами погибло и много мирных жителей.

«Лев Панджшера» в своем письме на имя Ю.М. Воронцова от 26 января с горечью отмечал: «Жестокие и позорные действия, которые ваши люди осуществили... в последние дни своего пребывания в этой стране, уничтожили весь недавно проявившийся оптимизм».

Теперь наши генералы не без оснований ждали от Масуда ответного удара. Но, как это ни покажется странным, лидер моджахедов даже и в этой

ситуации остался верен своему обещанию — не стрелять в спину уходившим солдатам в тех районах, которые контролировали его бойцы.

15 февраля последний советский солдат перешел мост, соединявший Союз и Афганистан.

Конечно, по законам драматургии и человеческим законам вернувшихся с долгой войны солдат первым должен был встречать глава государства. И ведь именно он, Горбачев, так последовательно руководил многолетней и многотрудной операцией по возвращению домой. Но тут отчего-то случился сбой: никто из высших руководителей страны в Термез не приехал.

А вывод из этой истории? Пусть каждый сделает его сам. Хотя вот что следует сказать абсолютно уверенно: если наше военное вторжение в Афганистан можно считать одним из апофеозов брежневского застоя, то вывод войск — одним из самых значимых символов горбачевской перестройки.

Вместо послесловия

Режим Наджибуллы после ухода ОКСВ, к удивлению московских знатоков, продолжал держаться, успешно отбивал все атаки исламских партизан. И это притом что Запад и Пакистан, в нарушение Женевских соглашений, продолжали активно поддерживать моджахедов деньгами, оружием, боеприпасами. Москва, надо признать, тоже до поры помогала «своим». Но с развалом СССР и крушением системы эта поддержка прекратилась. Силы стали неравными. Весной 1992 года Кабул пал.

Семья президента Наджибуллы сумела укрыться в Индии, а сам он остался в столице и в 1996 году был зверски убит талибами.

Ахмад Шах Масуд после победы моджахедов стал, как ему и предсказывали, министром обороны Афганистана, а затем возглавил так называемый Северный Альянс, силы которого успешно противостояли «Талибану», однако тоже не уцелел: убит неопознанными террористами.

Война в Афганистане все эти годы не прекращалась: сначала моджахеды делили власть между собой, затем их смели талибы, а с 2001 года в игру вступили американцы и силы международной коалиции.

Штаты тоже долго выпутывались из афганской паутины, а в последний период своего более чем 20-летнего присутствия тоже пытались проводить политику наподобие «национального примирения». Однако поддерживаемый ими светский режим в Кабуле был сметен сразу, едва янки покинули Афганистан.

Можно сказать, американцы наступили на те же грабли, что англичане в конце XIX века и Советы в конце XX. Из чего следует, что история никого и ничему не учит.

Через Афганистан за годы войны прошли более 600 тысяч человек. Надо еще раз подчеркнуть: большинство из них честно и стойко выполняли там свой воинский долг. Но ведь давно известно другое: именно та война породила у нас чудовищный всплеск наркомании, нелегальной торговли оружием, ее стыдливо «спрятанный» характер стал причиной многих трещин, разрушавших общественную мораль, доверие к власти и государству. Военные расходы, а также ресурсы, брошенные на содержание соседнего государства, непосильным бременем легли на нашу экономику, усугубили ее и без того кризисное положение.

Война не решает накопившиеся проблемы, а лишь загоняет их внутрь, а также плодит множество новых. Понесенные жертвы зовут к мщению. На крови нельзя построить счастливое будущее. Жаль, что миг прозрения и понимания этой простой истины был в нашей истории таким коротким.

Материал вышел в № 1 журнала «Горби»

Источник: <https://gorby.media/articles/2023/08/29/afganskii-triller-chast-2-ukhod-iz-afganistana>

Фото: ТАСС